

Сергей Лукьяненко.

Восточная баллада о доблестном менте

Дошло до меня, терпеливый читатель, хоть и не сразу, что не слышал ты еще об отважном менте Акбардине и том, как он добыл несметные сокровища.

А история эта, достойная записи шилом на спине неверного, давно тревожила мою душу.

Однажды, темной ночью, когда благонадежные граждане халифата принесли хвалу эмиру и опустились почивать со своими женами, доблестный мент Акбардин обходил светлые улицы, не пренебрегая однако и темными. Был он хорош собой -- крепок, кривоног и глаз его правый был зорок.

Заглянув за лавку Буут-аль Назара, достославного торговца заморскими притираниями, отважный Акбардин почувствовал чье-то мерзкое дыхание. Свершив свое дело -- ибо долго бродил он по светлым улицам, не пренебрегая и темными, Акбардин пошел на запах.

И открылось мне, что увидел он грязного панка, спавшего в картонной коробке из-под заморских притираний. Был это панк из панков, с мерзким лицом, ужасной фигурой и велосипедным звонком в правом ухе. А запах его устрасил бы и более отважного, чем Акбардин, не страдай он в тот день от насморка.

-- Вставай, грязный панк, негодный эмиру! -- воскликнул Акбардин.-- Ибо я, мент от рождения, Акбардин сын Аладдина, отведу тебя в позорное узилище.

Грязный панк проснулся и закричал:

-- Кто ты, смеющий посягать на мой сон? Ибо я ужасен, проснувшись с похмелья!

Но Акбардин достал свою дубинку, и панк, упав на колени, взмолился:

-- О, не бей меня холодной резиной, Акбардин сын Аладдина! Я не просто панк, я панк из панков! Я открою тебе великие тайны и приведу к несметным сокровищам! Только не бей меня по почкам, а также по тем местам, которые подсказывает тебе богатая фантазия!

-- Что ты можешь мне дать, грязнейший из грязнейших? -- поразился Акбардин.-- Крепка моя хижина, и каждый день я имею хлеб с молоком, а по пятницам -- да святится имя эмира! -- большую рыбу в маленькой железной баночке.

-- О, я дам тебе могущество самого эмира! -- воскликнул панк.-- И знай же, что я бы и сам получил его -- но мне в лом. У тебя будет столько жен, сколько дозволено, и столько наложниц, сколько захочешь, и столько вкусной рыбы, залитой соусом из помидоров, что она не ползет в твои уста!

-- Говори же, если есть тебе, что сказать,-- повелел Акбардин. И грязный панк -- да забудется всеми его имя: Киндерсюрпризбек, рассказал:

-- Знай же, мудрейший из ментов и ментовейший из мудрейших, что происхожу я из славного рода Киндерсюрпризбеков, да не оскудеет он. И был я славным ребенком и добрым юношей, пока судьба не покарала меня за многочисленные грехи. И решив, что все мне дозволено, отправился я в путешествие. И шел долго, ибо был пьян. И дошел. И...

-- И?..-- воскликнул Акбардин.

-- И! -- развел руками грязнейший из панков.

-- Так что же мы ждем? -- удивился Акбардин.-- Мой мотоцикл быстр, а дубинка резиновая! Устрашим же сами себя!

И они вскочили на мотоцикл мента, причем Акбардин сел впереди, а презреннейший из панков, да забудется всеми его имя -- Киндерсюрпризбек, сзади. И набегающий воздух обдувал Акбардина, и дыхание его было легко. А протертые шины скрипели на поворотах, и скрип тот был ужасен.

И надо сказать, о читатель, что в дни те съехались в достославный халифат многочисленные эмиры и короли. Обсуждали они великие дела -- как менять медь на серебро, и как пятью хлебами накормить всех желающих. А также съехалась многочисленная челядь, и челядь челяди, и прихлебатели, и подпеватели -- среди коих и был ваш покорный слуга.

И многие менты великого халифата охраняли покой их. Увидев же друга своего, Акбардина, которого ценили за веселый нрав и честность при игре в кумалак, решили они: неладно.

И решив так, вскочили они на свои мотоциклы, а у кого не было своих -- на чужие, и понеслись за Акбардином.

Столько песчинок не лежит на дороге, сколько ментов мчалось за отважным Акбардином. Ибо напряженной была обстановка в халифате. И увидев их разбегались презренные панки, и забирались в ксивники хиппи, и рокеры притворялись собственными мотоциклами.

И к исходу третьего дня, когда почувствовал усталость даже отважнейший из ментов, приехали Акбардин и Киндерсюрпризбек к темной пещере. А товарищи Акбардина отстали, ибо были не столь проворны, как отважны.

-- О мент из ментов! -- вскричал позорный панк.-- Вот она, пещера мудрости! И зачерпнешь ты ее там столько, что сам халиф со слезами обнимет тебя -- и назначит визирем. А я теперь уйду -- ибо мне в лом.

-- Подожди, вонючейший из моих седоков! -- воскликнул Акбардин.-- Открой -- кто хранит мудрость, ибо не бывает сокровищ без охраны!

И затрясся панк, обливаясь потом, и ответил:

-- Никто ее не хранит, то-то меня и пугает.

-- Пойдем же, -- велел мент Акбардин.-- Направлю я тебя вперед, дабы пожертвовать малоценным организмом в случае опасности.

И Киндерсюрпризбек поплелся вперед, ибо никто еще не смел

перечить Акбардину -- да запомнится его имя!

А пещера была темна, как совесть грешника, и длинна, как прегрешения усовестившегося. Трижды споткнулся Киндерсюрпризбек, прежде чем дошли они до цели.

-- Вот! -- воскликнул презренный панк.-- Вот он, источник мудрости, бьет ключом из алмазной чаши! Пей же, отважный мент, и отпусти меня спать, ибо я устал.

-- О нет, хитрейший из хитрых,-- засмеялся Акбардин.-- Выпей вначале сам, ибо мог ты замыслить худое против меня.

И панк выпил из источника, ибо Акбардин был силен, а его дубинка резинова.

Даже мне, о терпеливейше читатели, не доводилось видеть подобного. Опали с грязного панка коросты и лохмотья, стал он чист челом и прекрасен дыханием.

Посмотрел ласково на Акбардина и сказал:

-- Пей же, мой добрый друг. Станешь ты так же прекрасен как я, и мудр как халиф.

Покачал головой Акбардин, и сказал:

-- О нет, прекраснейший из панков. Запрещено мне пить на службе, и чту я этот закон. Лучше зачерпну я побольше мудрости, а дома, после дежурства, вкушу ее с подобающей закуской.

-- Интересное решение,-- заметил Киндерсюрпризбек, просветлел обликом и ушел в астрал.

А товарищи Акбардина, ждавшие приятеля у входа, не успели даже слезть с мотоциклов, когда увидели его светлый лик. Шел Акбардин твердым шагом, и в руках его был бурдюк с драгоценной влагой.

-- Вещественные доказательства,-- сказал он друзьям, и сев на мотоцикл, умчался, и никто не решился его переспрашивать, ибо дубинка его была резинова.

Дома же, съев положенное и покурив запретное, сказал пресветлый Акбардин жене:

-- Завтра же будем любимцами халифа!

И налил себе Акбардин из бурдюка, и выпил...

XXX

Прошло три дня и три ночи с тех пор. И вот, обходя светлые улицы (но не пренебрегая и темными!) увидел ментовейший из ментов, да помнится его имя -- Акбардин! грязного панка.

-- Что делаешь ты в этой грязи, светлейший из панков? -- поразился Акбардин.

-- А что делаешь ты с этой дубинкой, мудрейший из ментов?

-- съехидничал Киндерсюрпризбек.

Смутился Акбардин, что бывало с ним редко, и ответил:

-- Открылось мне, что хоть и стал я умнее визиря, но остался ментом. И не услышит моих слов халиф. Вот и обхожу я по прежнему улицы...

-- А...-- протянул Киндерсюрпризбек.-- Доумничался?

И тогда огорченный Акбардин схватил его за шиворот, и отвел в позорное узилище. Так и должно быть в нашем славном халифате, который так любят заморские короли, ибо западло каждому панку смеяться над ментами.

Но все же в пути Акбардин и Киндерсюрпризбек беседовали о вечном. И беседа их была возвышена как лавка Буут-аль Назара, и длинна, как ментовская дубинка.

...И такова мораль этой истории -- даже вкусив от мудрости не равняйся с халифом. Не положено.